

МАРИНА МЕЖИДОВА

РЫЦАРИ БЫЛИ ИЗ СТЕКЛА, НО ДРАКОНЫ ИЗ СТАЛИ

БАГБОЕ СЧИТАЕТСЯ АМЩЕ К КОНЦУ

Марина Межидова

**Рыцари были из стекла,
но драконы из стали**

«Автор»

2025

Межидова М.

Рыцари были из стекла, но драконы из стали / М. Межидова —
«Автор», 2025

Второй сборник поэзии, в котором желание бороться как основа всего. Стихи в данном сборнике выражают привязанность к борьбе, которая вела автора долгое время, вытягивая из болота в чистое поле со звездным небом над головой. Пусть оно еще покрывается тучами, но все равно, рано или поздно, наступает солнечный день, закат и новый рассвет. Может быть, тот, в котором больше нет нужды в борьбе.

© Межидова М., 2025

© Автор, 2025

Марина Межидова

Рыцари были из стекла, но драконы из стали

Дорогие читатели!

В мой второй сборник поэзии вошли стихи, связанные между собой одной идеей – желанием бороться. Это желание покидает нас часто по разным причинам и вырастает внутри тоже по-разному. Кто-то хватается за борьбу как за тростинку в трудный час, кто-то использует ее как топливо, для кого-то борьба способ обрести что-то новое. Мои стихи выражают привязанность к борьбе, которая вела меня долгое время, вытягивая из болота в чистое поле со звездным небом над головой. Пусть оно еще покрывается тучами, но все равно, рано или поздно, наступает солнечный день, закат и новый рассвет. Может быть, тот, в котором больше нет нужды бороться.

свет факелов завлекает чудищ на пир короля —
чудищу было неведомо, кто станет закуской для стола
города строились медленно, но деревни сжигались быстро
король благосклонен, если не смотреть на него близко;
замки разрушали захватчики, отбирали золото и красоту —
мужчинам дают в руки клинок и зовут на войну,
женщин оставляют с голыми руками отбиваться от воров
между делом не забывая кормить детей и пасти коров
крошечная пыль света проникает через ноздри
мы ведь такие, верим даже если уже забивают гвозди
город тем временем охвачен огнем, пылает
юность из башни глядит на него, изнывает
все, что закроют на ключ, предпочтет сбежать
ведь полагалось это кому-то знать?
редкие встречи мыслей среди теней

сделали что-то спокойнее, но взрослей
рыцари были из стекла, но драконы из стали
я перед зеркалом стою в доспехах и в тихой печали
мне все идет, все точно по мне, к лицу
я запираю в ножнах свой меч, он поклялся бойцу
я выбираюсь, и знаю, что тянется страх,
но не за мной он идет, а за теми, кто будет в моих руках
я поклонюсь Луне перед боем со светом,
колыбельная моя теперь стала военным напевом
и конец мой пусть предстанет сладким сном,
он придет прямо в грудь, может, даже тайком
но я не всплакну, пусть цветы скроют нежную грусть
пусть забьется сердце мое однажды снова, пусть.
миры тоскливых сновидений
страна безмолвных и несчастных
проклятий грязных и кричащих
молитв в могилах мирно спящих
корабль мой в миры те плыл
раскинув руки пред молчанием
горяющему став печалью
рукой покойной нежно глядя
мы шли в свой отчий дом
уж горизонт казался явью
к живому ринулись мы навью
и бледность дней ушедших в море

блеснула ярким миражом
нет к дому нам пути ни в мире,
ни в неге праздной, ни в эфире
чужому нет роднее кожи,
чем кожа чужака
мы сели в ряд и громко пели
как одичали, одурели
мы плыли в поисках смирения,
оставили лишь дым
в нем проиграв все, увядая
слезой заря блеснула зная,
что день грядущий не начнется,
пока я в мире том
творцу рисуя карту эту,
себя вверяя тьме и свету
прикрыв глаза, узоры льются
благое снится лишь к концу.

Цикл из тринадцати стихотворений,
написанных для романа «Обрати на меня внимание»

кем ты был до меня?
хотела бы знать
чтобы честно и точно, чтоб не соврать
с кем могли уберечь это время, убитое нами

может, мы стали бы лучше,
не случись то цунами?
мы могли бы учиться чему-то, любить других
видеть в них отражение и не был бы этот стих
в утро думать о чем-то ином, ночью – тихо лежать
не скулить, не плакать, имя чужое не звать
мы могли бы позволить себе мечтать,
но теперь мечтами нам самим положено стать
с неба будет лететь звезда и я загадаю
стать кем-то другим в следующей жизни,
и тогда я тебя узнаю.
ты греческий бог
у меня от греческого только нос и оливки
я побежденная, на обочине, ты разбавляешь общество сливками
сверху на тебя глядеть или снизу – мы врозь
разлука еще остается во мне точно Христовый гвоздь,
и корабль большой уведет тебя в воды,
к победам, к врагам,
но главный из них шепчет что-то во след:
«возвращайся к родным рукам».
я с детства любила
древнегреческие трагедии,
а затем стала одной из них
время меня породнило с рассветом,
если наступит, будет сюрприз

жизнь продолжается смерти подобной,
яд был бы слаще сна
все возвращается, но не вернемся
мы на круги своя;
все расплескалось по ходу и в качке,
лодка с дырой внутри
мы остаемся в могилах и в спячке —
имя мое сотри
ты позабудешь его не запомнив,
оно продолжает витать
бабочкой легкой на плечи негромко
будет тебе оседать.
хитрой улыбкой заманит меня
мой кареглазый Аид
вместе с собою уводит в мир,
в царство, где время спит
нет ни возврата, ни кожи своей —
все отобрал и сжег
однажды ты снова узнаешь меня,
и спросишь себя: как ты мог?
я просыпаюсь с болью в груди
с глухим и знакомым смехом
мы остаемся чужие вблизи
Нарцисс и несчастная Эхо.

и я навсегда остаюсь в твоём мире одной ногой
с чувствами точно костями наружу, совсем нагой
без конца и начала, я одинока, всегда— середина
с зёрнами от проклятья, возвращаюсь к тебе,
твоя Прозерпина.
и пантеон из каменных творений мирно спал,
а я, проснувшись среди них бродила босиком
я видела лицо твоё средь многих, ты всё знал
воскрес всего на миг, толкнул своим плечом.
лицо твоё хранило мастерство
истерзанных ладоней и любви творца
в глазах твоих мелькнуло рождество,
но потонуло в чувствах мертвеца.
ну и пусть, ты, Агамемнон, всем говоришь,
что я выжила из ума!
взяла в руки секиру, удара три,
и нет больше тебя
я излила все соки любви в твою кровь,
я себя иссушила
я не безумна, я женщина, я Клитемнестра,
что тебя полюбила.
я та дура, что верно ждала огня твоего
на вершинах гор,
и в безропотной вечной борьбе
я впервые услышу хор —

пусть он плачет по нашей любви,
что убита руками земными
пусть ни царь, ни рабы его больше не смеют
звать женщин больными.
ты ведь знаешь дорогу обратно, но не идешь,
может, время не вечно, но вечно, если ты ждешь,
и к разлуке любовь привыкает, пусть она – яд
может, кто-то меня проверяет, так пусть простят...
у Афины-Паллады жестоки уроки, но я приняла;
паутиной плетенная гордость не все смогла —
если огонь разгорится меж нами, она сгорит,
может, кто-то меня проверяет, так пусть простит!
обманутый не может на тебя сердиться,
о, хитрый, изворотливый Гермес
что рядом ночь, что день – светиться
что рядом я, с другою, без.
своим богам вверяй дорогу,
тебе найдется кадуцей,
но в царство мертвых, той дорогой,
ведешь меня, кто рядом с ней?
пусти ладонь мою, о, мертвый,
ведь я забыть тебя боюсь
играй на лире тонкострунной,
тебе танцую и молюсь.

пусть Аполлон прощал обиды,
свои забыть я не смогу
я в гроте моря Нереида,
а ты стоишь на берегу.
я вижу много, потому – в тени
теперь ты ей пастись прикажешь?
то белый бык, то дождь, то лебедь -
отомри!
стань чем угодно, не привяжешь;
но громовержец Зевс тебя на все благословил
ты повторяешь его страсти друг за другом
«ох, если бы знал я, все бы упростил!»
ложь тень бросает точным кругом.
о, Зевс, Олимпа царь всего
никто тебя еще не сверг
мычит издалика Ио:
как детки твои? Елена, Кастор и Полидевк?
я согласна была
навсегда позабыть день
стать Нюктой твоего Тартара,
вместо нектара вкушать ячмень
выражать на слова твои
и восторг, и печаль, но вновь
я лицо твое пытаюсь вспомнить,
все, что знала о нем до краёв:

где оно теперь, спит ли и дышит,
говорит ли слова другим...
сколько слов неслышанных слижут
тропы слез моих длинных засим...
несгибаем изгиб губ предавших,
но я помню, как трескался взгляд,
пусть увел от тебя твое счастье
мой навек ускользающий шаг.
гордыня твоя принимает лавровый венок,
ты грубость и силу сменил на обман и слезы
все мог изменить твоей головы кивок,
бежит Аполлон, и теряет трава свои росы,
прекрасная нимфа, любимая солнцем и лесом
цветет в ослепительном блеске святого огня
путь юности краток, но жизнь измеряется весом
души изгибаемой ветром у каждого дня.
он жизнь не щадит, стрела его жажда и мука
ничто не спасется, никто не сумеет помочь
отец принимает, что ждет их теперь разлука —
земля принимает его беспокойную дочь.
не будет ей сна, у дерева машет руками:
«как краток был миг, как буду его вспоминать»,
нет ласки к корням ее, нет в нем о ней печали —
ничто не мешает цвет юности деву лишать.

венки из нее — его жажды большая победа,
лишь шепот листвы сохранит ей о зелени скорбь
обманутым нимфам послужит она оберегом
и в суд превратится для сотни жестоких борьб.
Персефона опять покидает Деметру, желтеет путь
сквозь дождя пелену провожает усталый взгляд:
«если он её ранит, уже не сумею вздохнуть»,
Зевса воля не богу подобна, она как яд
как богато убранство, но глазам её ярким темно,
взгляд Аида пугает мысли, а руки его обнажат
среди мёртвых живая, такое в Гадесе грешно
сладких зёрен граната вкус волю ее сторожат.
поднимаясь на землю, она затоскует о дне,
среди сотен цветов, когда сорвала чужой —
в том и страх, и ошибка, виновата, не зная о зле?
или тот виноват, кто похитил и сон, и покой?
но умри она раньше богов беспокойных желаний
Стиксом ровным под корнем земным проплыла бы она,
но теперь её тело как храм, и Аид от скитаний
возвращаться к ногам её связанным будет всегда.
все кончается, всему наступает тихий конец
и любви, и радости, и большому горю,
превращается в мирного жителя упрямый боец,
не умеющий плавать со всех ног торопится к морю...
все пыталась вместить из себя в твою грудь,

сердце гордое слушает лишь одного хозяина;
делай как пожелаешь и кем пожелаешь будь,
отныне Авель прощает убийцу Каина.
красота на лице твоём – диалог между сотней времен
я рожден был в любви и в любви буду в смерть погружен
ничего не блестит ярче солнца, ничто не цветет как луна
остаюсь с тобой связан нарочно, не сердись на меня
блекнут звезд силуэты, лишь реальность играет с мечтой
я целую тот день, когда стану твоим мечом
грозым свистом по ветру, целуют враги сталь
ни упрека, ни гнева, я – Иосиф, ты – мой Грааль
и шагая устало, касаясь лишь взглядом разбитых гробниц
знай, что я не лежу в ней, я пред тобою ниц
напоследок пусть ярко блеснет для меня заря
для тебя новый день наступает, но только пускай не зря.
у меня сердце рвется наружу из клетки грудной
солнце сводит концы с концами, нас прогонит долой,
и однажды уснем в бесконечности, гвоздями под пылью
вымирание, похоже, земле оказалось по стилю
мы уходим из мест, остаются по нам горевать —
станут, может быть, слезы кровавые лить и по нам скучать,
но приходится нам выпускать наружу порою
то, что может без нас, но для нас остается нуждою.
быть своим среди чужого

быть свободой среди рабства
среди грехов молитвой Бога
честью быть среди богатства
среди бездарей талантом
меж неверующих верой
среди гнущихся Атлантом
в расточительстве быть мерой
среди ночи звездным светом
в душном дне глотком свежайшим
среди серости быть цветом
среди множества редчайшим
быть объятием среди разлуки
среди вопросов быть решением
любопытством среди скуки
среди неважного значением
среди мух быть гордой птицей
правым быть среди неправых
между нитками быть спицей
чистым посреди кровавых
я падаю семь раз и встаю из них восемь
сердце расколется, как наступает осень,
но к октябрю я покладистая, точно кошка
я не ругаю себя, но, если честно, строжусь немножко,
ведь кто-то должен меня остерегать, чтобы не ходила к реке
она унесет меня, ухватив за косу, ведь я налегке

я весь оставила груз, я всю себя оголила,
даже смешно, как я твоего внимания тогда просила;
ведь кто-то должен мне помогать, держать руку в руке,
пусть даже силуэтом печальным стоять вдалеке,
но я всех себе заменила и кто теперь сможет
обхватить сердце мое и кричать, что для меня все возможно
я без спасения обошлась и без ножа сумела —
главное иногда хвалить себя за это непростое дело,
ведь как обнулят до малого, скажут, что я никто,
но так говорят обычно те, кому всегда было все равно.
багровая боль, кувырком по ступеням вниз
говорящему пальцем в рот
изучая на картах места, где ты есть, как эскиз
живу как уставший от жизни крот
влетаю в проемы дверные, я весела
я живая еще, будто дышу впервые
во всем что ищу нахожу себя,
бежала давно, но сейчас – приплыли
я что-то сжигаю с огнем, превращаю в пыль,
но вечным обычно бывает финальный штрих
об этом смолчу, не заплачу, но запишу
слова свои в новый колющий стих.
пусть в каждой строке будет что-то от нас
и пусть остается впечатанным в них

я все завяжу на сорок узлов,
не развязываемых
и тугих.
вернитесь, дней ушедших свет,
безумство праздного мгновения,
небес болезненное сотворение,
воздушных ласк касаний нежных,
волнующих покой сердечный
и вечность мига одного —
покусанные детством щеки,
грядущие для нас дороги,
родные лица пред рассветом —
лик матери моей.
искусством сотканная ноша
что есть тоска, когда надежда,
что миг ушедший повторится,
случается еще.
ты — таосский шум,
я звук капель дождя о листву
твоя сила равна сотне чум,
а я не люблю войну
ты обида, назло молчание
я зелени цвет и тишь
сколько бы вместе мы не видали,
ты как будто в другое глядишь

ты на белом пятно немое,
я заплатка, пришитая в спешке
ты смотрел в лицо королеве,
прочно веря, что смотришь пешке.
я знала, что нож в спине, что он глубоко,
по самую рукоять
и я обернулась, конечно,
но только чтобы тебя обнять
я столько держала холодную сталь внутри у себя,
сколько могла
я знала, что пока ты вонзаешь его,
остаюсь твоя
и входя в любую из комнат, пусть самую шумную
я ищу среди новых улыбок твою,
безумную
и меж прохожих, таких мне чужих и холодных,
я ищу пару глаз
их веселье и блеск мои раны лечили не раз
и пусть руки твои опускались,
ветра не пускали тебя ко мне,
но я навстречу им шла,
и они почему-то пустили к тебе
с твоим образом ночью я в сон беспокойный крадусь
кем я прежде была

и кем теперь становлюсь?

я мечтаю о твоих разговорах в моих ушах,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.